

Опасность деконсолидации: демократический раскол

На протяжении четырех десятилетий “Die Welt”, одна из ведущих западногерманских газет, отказывалась признавать существование отдельного государства на территории Восточной Германии. Поскольку редакторы газеты полагали, что падение коммунистического режима — вопрос нескольких лет, всякий раз при упоминании Германской Демократической Республики они помещали аббревиатуру ГДР в многочисленные кавычки. В то время как прочие газеты рассказывали о политике, проводимой ГДР, “Die Welt” неизменно писала о “ГДР”.

Летом 1989 года руководство газеты наконец решило больше не делать вид, что восточногерманский режим вот-вот рухнет. Казалось, коммунистическая власть установилась так давно и так надолго, что кавычки стали выглядеть как нелепое отрицание очевидного. 2 августа 1989 года впервые в истории газеты журналистам разрешили писать о ГДР без кавычек. Три месяца спустя пала Берлинская стена. 3 октября 1990 года ГДР прекратила свое существование.

Редакторы “Die Welt” в корне неверно интерпретировали знамения времени. Они примирились с мыслью о долговечности коммунистического режима ровно в тот момент, когда должны были понять, что он стремительно теряет поддержку. И в этом они были не одиноки. Коллективный провал социологов, политиков и журналистов, которые не рассматривали всерьез перспективу распада советского блока, должен послужить предостережением. Порой даже самые про-

фессиональные исследователи, вооруженные самыми строгими методами, склонны считать, что недавнее прошлое дает хорошие основания для прогноза будущего и что никаких радикальных событий произойти не может.

Тридцать лет назад большинство ученых приняли как данность, что Советский Союз незыблем. Но внезапно оказалось, что эта данность не соответствует действительности. Сегодня мы еще более твердо верим в устойчивость развитых консолидированных мировых демократий. Но есть ли у нас основания для подобной уверенности? Определенные причины для беспокойства видны невооруженным глазом. В последние три десятилетия в устоявшихся западноевропейских и североамериканских демократиях резко падает доверие к таким политическим институтам, как парламент или суд. Сильно упала явка избирателей. Оттого, что люди все менее охотно идентифицируют себя с той или иной партией, а численность самих партий сокращается, снижается и приверженность традиционным парламентским партиям. Вместо этого избиратели более активно примыкают к различным движениям, которые объединяются вокруг какой-то одной конкретной проблемы, голосуют за популистов и поддерживают антисистемные партии, выступающие против статус-кво. Похоже, даже в наиболее богатых и политически стабильных регионах мира демократия переживает не лучшие времена.

Однако большинство ученых-политологов упорно отказываются видеть в этих тенденциях симптомы структурных проблем

в функционировании либеральной демократии, и уж тем более не готовы считать, что существует угроза самому ее существованию. Многие ведущие ученые, в том числе Рональд Инглхарт, Пиппа Норрис, Кристиан Вельцель и Рассел Дж. Далтон, как правило, интерпретируют подобные тенденции как вполне безобидные свидетельства того, что у нового поколения формируется свое, более сложное восприятие политики и что “критически” мыслящие граждане относятся к традиционной элите без особого пиетета. Следуя за Дэвидом Истоном, который в 1975 году предложил различать “легитимность правительства”, то есть поддержку конкретных властей, и “легитимность режима”, многие ученые признают, что первая действительно падает — но вторая, то есть поддержка демократии как системы государственного правления, остается прочной. Соответственно, люди могут считать, что в их стране демократия работает не лучшим образом или что нынешнее правительство не справляется со своими обязанностями, но в результате они только больше ценят существующую при либеральной демократии воз-

можность протестовать против проводимой политики или посредством голосования добиваться смены власти. Согласно этой точке зрения, демократические режимы Франции, Швеции и США сегодня столь же консолидированы и стабильны, как и прежде.

Нам представляется, однако, что этот оптимистический взгляд более не имеет под собой оснований. Опираясь на данные четырех волн (с третьей по шестую) World Value Survey (WVS, Всемирного обзора ценностей (1995–2014 годы)), мы рассматриваем четыре важных типа критериев, которые характеризуют легитимность режима в отличие от легитимности правительства. Эти критерии включают в себя явно выраженную общественную поддержку существующей в стране политической системы; уровень поддержки ключевых институтов либеральной демократии, в частности гражданских прав; готовность осуществлять свои политические инициативы в рамках существующей политической системы; а также приемлемость для граждан авторитарной альтернативы, например, военного режима.

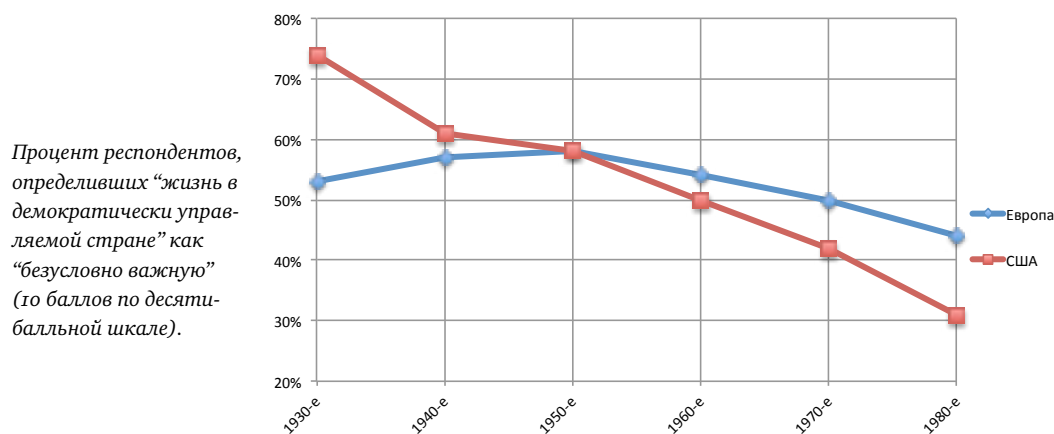

График 1. “Безусловно важно” жить в стране с демократическим режимом; возрастные когорты (рожденные в указанные десятилетия)².

Наши результаты настораживают. Граждане ряда стран Северной Америки и Западной Европы, которые принято считать консолидированными демократиями, не только стали более критически относиться к своим политическим лидерам. Они также более цинично относятся к ценности демократии как политической системы, меньше верят, что их действия могут повлиять на принятие решений,

и с большей готовностью выражают поддержку альтернативным, авторитарным формам правления. Выясняется, что на кризис легитимности демократии как таковой указывает гораздо больше факторов, чем предполагалось ранее.

Насколько граждане развитых стран считают для себя важным жить в демократическом государстве? Старшее поколение

ожидаемо демонстрирует широкую и горячую приверженность демократии: к примеру, в США люди, рожденные в период между мировыми войнами, считают демократическое правление практически священной ценностью. На просьбу оценить по шкале от 1 до 10, насколько важно для них “жить в демократии”, 72% рожденных до Второй мировой войны выбрали высшую отметку 10. Так же поступили 55% той же возрастной когорты в Нидерландах. Однако, как показывает График 1, “поколение миллениума” (рожденные в 1980 году и позже) демонстрирует куда больше равнодушия. Только один из трех голландцев этой возрастной когорты приписывает жизни в демократии максимальную важность; в США этот показатель чуть ниже — около 30%³.

Снижение поддержки демократии объясняется не только тем, что молодое поколение настроено более критически, чем старшее. Говоря языком опросных исследований, это связано с эффектом “когорты”, а не с эффек-

том “возраста”. В 1995 году, к примеру, только 16% американцев, рожденных в 1970-е (на тот момент те, кого можно определить как старшую подростковую группу, или те, кому чуть за двадцать), считали, что демократия — это “плохая” политическая система для их страны. Двадцать лет спустя количество “антидемократов” в той же поколенческой когорте выросло примерно на четыре пункта — до 20%. В следующей когорте, включающей в себя рожденных в 1980-е, антидемократические настроения выражены еще сильнее: в 2011 году 24% американских миллениалов (на тот момент старшие подростки или люди чуть старше двадцати) сочли, что демократия — “плохой” или “очень плохой” способ управления страной. В Европе эта тенденция выражена более умеренно, однако все равно довольно сильна: в 2011 году подобные взгляды выражало 13% европейской молодежи (в возрасте от 16 до 24 лет) — в середине 1990-х годов среди той же возрастной группы таких было 8% (см. График 2).

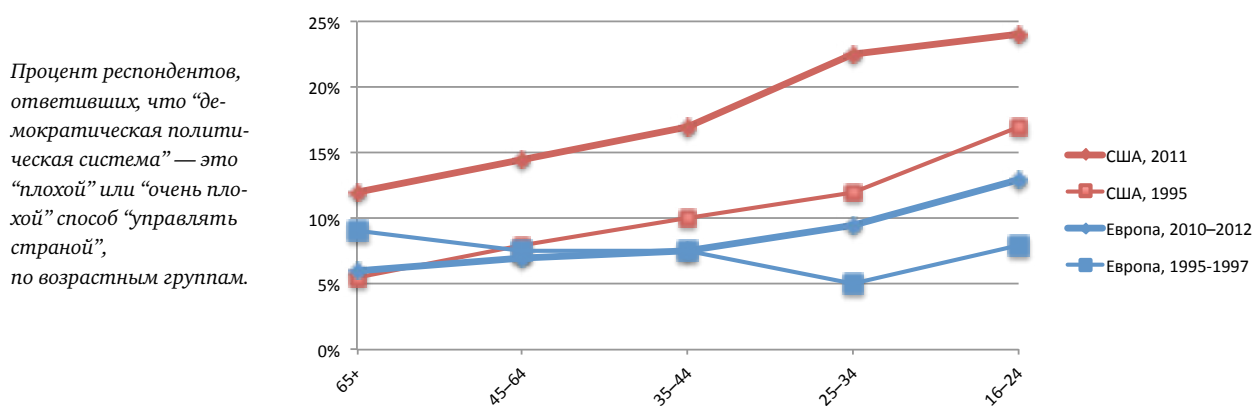

График 2. “Демократическая политическая система” — это “плохой” или “очень плохой” способ “управлять страной”⁴.

Таким образом, данные опросов общественного мнения демонстрируют, что в предпочтениях разных поколений наметились серьезные изменения. Не так давно молодежь относилась к демократическим ценностям с гораздо большим энтузиазмом, чем старшее поколение: в первых волнах WVS, в 1981–1984 и 1990–1993 годах, молодые респонденты куда активнее, чем люди старшего возраста,

выступали за свободу слова и значительно реже вставали под знамена политического радикализма. Сегодня роли поменялись: в целом в Северной Америке и Западной Европе среди молодого поколения политический радикализм находит куда больший отклик, а поддержка свободы слова существенно снизилась⁵.

Отказ от демократических институтов

Люди могут одновременно заявлять об общей приверженности “демократии” — и об отказе от многих ключевых норм и институтов, которые традиционно рассматриваются как необходимые элементы демократической формы правления. Поэтому для того чтобы понять, почему уровень поддержки демократии изменился, нужно выяснить, как изменилось понимание демократии и степень вовлеченности людей в демократические институты⁶. Помимо поддержки идеи регулярных выборов, которые являются необходимым условием минимального соответствия понятию демократии, полноценная поддержка демократии также предполагает приверженность таким принципам, как защита основных гражданских прав и свобод, и готовность использовать институты либеральной демократии для осуществления политических изменений⁷. Как же в последнее время обстоят дела с политическим участием и поддержкой либеральной демократии?

До 2005 года WVS не ставил вопрос об интерпретации понятия демократии, так что мы не располагаем достаточно протяженными временными рядами, чтобы оценить, как со временем изменялось понимание демократии.

Впрочем, можно анализировать различия между поколенческими когортами по косвенным показателям. Используя совокупность данных по Европе и США, мы обнаружили, что отношение разных поколений к либеральным институтам кардинально не различается. Но в поколении миллениалов (тех, кто родился в 1980-м году и позже) либеральное представление о демократии укоренено не так прочно, как у их родителей-бэби-бумеров — представителей поколения, родившегося в первые двадцать лет после Второй мировой войны. В США, к примеру, 41% людей, рожденных в период между мировыми войнами и в первые десятилетия после войны, утверждают, что для того, чтобы режим мог считаться демократическим, “абсолютно необходимо”, чтобы “гражданские права защищали свободу людей”. Среди поколения миллениалов эту точку зрения разделяют лишь 32%. В Евро-

союзе данный показатель составил 45% и 39% соответственно.

Любое минимально либеральное понимание представительной демократии предполагает, что выборы должны быть свободными и справедливыми. Потому так тревожит тот факт, что хотя в зрелых демократиях подобная интерпретация демократии распространена среди явного большинства граждан, молодые избиратели разделяют ее в меньшей степени. Например, только 10% граждан США, рожденных в период между мировыми войнами, и 14% бэби-бумеров говорят о том, что для демократии “не обязательно”, чтобы люди “избирали своих лидеров на свободных выборах” (“не обязательно” определяется как оценка от 1 до 5 по десятибалльной шкале). Среди миллениалов эта цифра взлетает до 26%. В Европе прослеживается та же тенденция, хотя и менее резко выраженная: 9% поколения бэби-бумеров и родившихся в межвоенный период против 13% миллениалов утверждают, что свободные и справедливые выборы — не обязательная вещь (поскольку у нас нет временных рядов по данным показателям, это предварительные выводы, которые должны быть подтверждены в последующих опросах). Кроме того, нет веских оснований предполагать, что молодежь в целом склонна к менее либеральному представлению о демократии, поскольку такие регионы, как Китай, Индия и африканские страны к югу от Сахары, демонстрируют обратную закономерность.

Здоровье демократии зависит не только от поддержки ключевых политических принципов, таких как гражданские права, но и от активного политического участия сознательных граждан. Действительно, в соответствии с традицией, заложенной Габриэлем Алмондом и Сиднеем Вербой в классической работе 1963 года “Гражданская культура”, авторы многочисленных исследований демонстрировали, что активное участие граждан в жизни страны влияет на способность демократического режима работать на благо общества, добиваться подотчетности чиновников и формировать эффективное правительство. Тем более удручает фиксируемое в течение долгого времени снижение формальной демократической активности: с 1960-х годов явка

избирателей падает, а число тех, кто является членом какой-либо партии, радикально сократилось абсолютно во всех сложившихся демократиях.

Молодые поколения не только не считают демократию безусловно необходимой — они к тому же не проявляют большого интереса к политической жизни страны. В сущности, и в Западной Европе, и в Северной Америке интерес к политике среди молодежи резко и быстро снижается. В то же время среди старших когорт он либо остался неизменным, либо даже несколько вырос. В результате общий уровень политического участия стабильно держится на отметке примерно 60% в США и около 50% в Европе. Другими словами, совокупные данные, сами по себе безусловно значимые, затушевывают самый важный факт: разные поколения демонстрируют различный уровень политической апатии, и разрыв между поколениями быстро растет.

В 1990 году и большинство молодых американцев (в возрасте от 16 до 35 лет), и

большинство американцев, которым 36 лет и больше, ответили, что они “достаточно сильно” или “очень сильно” интересуются политикой — 53% и 63% соответственно. В 2010 году доля молодых американцев, заявляющих о своем интересе к политике, упала более чем на двенадцать пунктов, а доля более старших американцев выросла на четыре. В результате разрыв между поколениями вырос с 10% до 26%. Этот феномен выражен еще ярче у европейских респондентов, которые в целом демонстрируют меньший интерес к политике, чем их американские сверстники: в период с 1990 по 2010 годы разрыв между молодежью и старшим поколением вырос втрое — с 4 до 14 процентных пунктов. Это практически полностью объясняется быстрой потерей интереса среди молодых респондентов. В то время как доля интересующихся политикой европейцев в возрасте от 36 лет и выше стабильно сохраняется на уровне 52%, среди молодежи этот показатель упал с 48% до 38% (см. График 3).

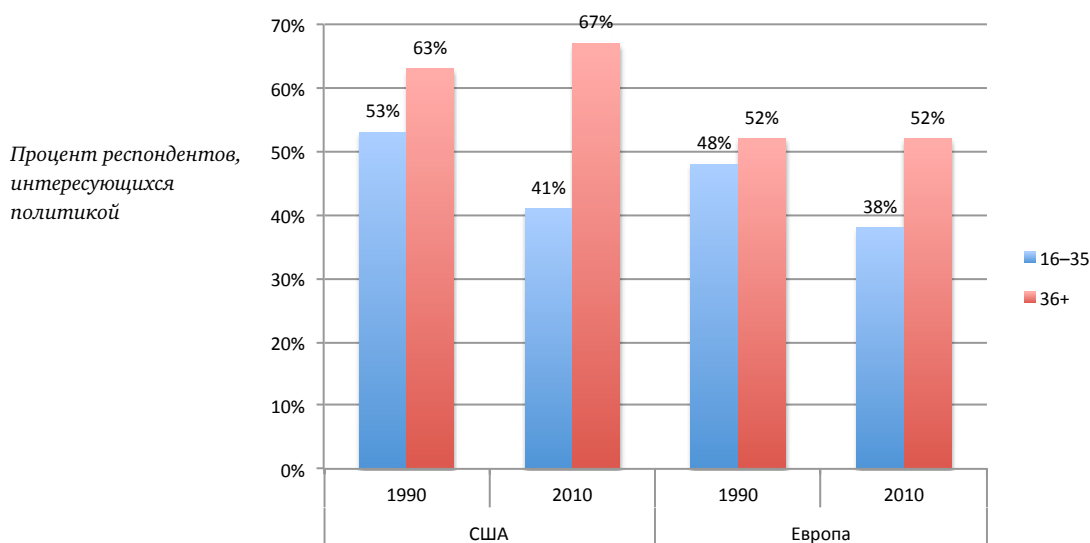

График 3. Усиление “разрыва между уровнями политической апатии”⁸.

И в развитых, и в развивающихся демократиях поколение, достигшее совершеннолетия в 1960-е, утратило интерес к традиционным формам политического участия, таким как голосование или членство в политических партиях. Эта тенденция сохранилась, и поколение миллениалов еще реже, чем их родители, участвует в функционировании демократической системы через формальные институты.

Многие исследователи не хотели признавать неприятный вывод о том, что молодежь не вовлечена в демократический политический процесс, и утверждали, что снижение уровня политического участия в традиционных формах компенсируется ростом “нетрадиционных” форм активности, таких как принадлежность к новым социальным движениям или участие в протестных акциях и бойкотах⁹.

Последние данные, полученные в ходе пятой (2005–2009 годы) и шестой (2010–2014 годы) волны WVS, впрочем, продемонстрировали, что это более не соответствует действительности: поколение бэби-бумеров не сумело передать детям и внукам интерес к нетрадиционным формам гражданского активизма. В результате более молодые поколения не только не участвуют в работе формальных институтов либеральной демократии — они реже связаны и с нетрадиционной политической деятельностью, такой как участие в новых социальных движениях или протестных акциях.

Исторически в протестах больше склонны участвовать те, кто помоложе. Тем более поразительно, что за последние 12 месяцев в США в демонстрациях принимал участие каждый одиннадцатый представитель поколения бэби-бумеров и лишь каждый пятнадцатый из поколения миллениума. В Европе картина чуть более разнообразна: за последние 12 месяцев молодые респонденты чаще, чем старшее поколение, участвовали в протестах, но уровень участия в этой когорте тем не менее был ниже, чем у предыдущих когорт в том же возрасте. Снижение политической активности еще заметнее, если посмотреть на участие в новых социальных движениях. Например, представители старших возрастных когорт участвуют в деятельности гуманитарных и правозащитных организаций вдвое чаще, чем более молодые. Таким образом, мы видим, что миллениалы Западной Европы и Северной Америки в меньшей степени, чем представители старшего поколения, вовлечены и в традиционные формы политической активности, и в оппозиционную гражданскую деятельность.

Растущая поддержка авторитарных альтернатив

Очевидно, сегодня граждане в меньшей степени, чем в прошлом, привержены идеалам либеральной демократии, склоняются к менее либеральной интерпретации природы демократии и в меньшей степени, чем раньше, рассчитывают, что активное участие в политической деятельности может повлиять

на политический процесс. Неясно, однако, в какой мере это угрожает демократической политике и институтам. Слабеющая поддержка политических институтов и низкая вовлеченность в их функционирование, возможно, связаны лишь с тем, что либеральная демократия больше не должна конкурировать с альтернативными режимами. Возможно, граждане, достигшие совершеннолетия после завершения холодной войны, не так рьяно поддерживают либеральную демократию не потому, что равнодушно относятся к системе правления, а лишь потому, что за всю их жизнь сложившийся политический порядок никогда не сталкивался с серьезной угрозой. На первый взгляд подобное оптимистическое прочтение может показаться правдоподобным; однако ему противоречит тот факт, что одновременно нарастает недвусмысленная поддержка авторитарных режимов.

За последние три десятилетия процент американских граждан, считающих, что было бы “хорошо” или “очень хорошо”, если бы “страной руководила армия”, — явно антидемократическая позиция — стабильно растет. В 1995 году только один из 16 респондентов разделял эту точку зрения; сегодня с ней согласен каждый шестой. Хотя сторонники этого взгляда и остаются в меньшинстве, от них уже нельзя отмахнуться как от горстки маргиналов; особенно в свете того, что сходным образом растет как количество людей, предпочитающих “сильного лидера, которому не надо беспокоиться о парламенте и выборах”, так и тех, кто считает, что “принимать решения” о жизни страны должны эксперты, а не правительство. И такая тенденция наблюдается не только в США. Процент тех, кто считает, что было бы лучше, если бы руководство страной взяла на себя армия, вырос в самых зрелых демократиях, таких как Германия, Швеция и Великобритания.

Сорок три процента американцев старшего возраста, включая тех, кто родился между мировыми войнами, и их детей — поколение бэби-бумеров, уверены, что даже если в демократическом государстве правительство оказывается некомпетентным или не справляется со своими обязанностями, то армия все равно не имеет права брать на себя управление стра-

ной; однако среди миллениалов эта цифра гораздо ниже и составляет всего 19%. В Европе разрыв поколений менее значителен, но столь же очевиден: 53% европейцев старшего возраста и только 36% миллениалов выражают резкое несогласие с тем, что некомпетентность правительства — достаточное основание для того, чтобы армия “захватила власть”.

Поразительно, но подобные антидемократические настроения особенно быстро выросли среди более состоятельной части населения. В 1995 году “богатые” (с восьмого по десятый дециль по десятибалльной шкале дохода) сильнее всего выступали *против* антидемократических взглядов вроде того, что страна выиграет, если править будет “армия”. Тогда наибольшее одобрение эта идея встречала у малообеспеченных респондентов (с первого по пятый дециль по десятибалльной шкале дохода). С тех пор относительная поддержка недемократических институтов коренным образом изменилась. Практически в любом регионе богатые теперь чаще, чем бедные, с одобрением относятся к перспективе, что страной будет “руководить армия”. Так, в середине 1990-х годов в США лишь 5% хорошо обеспеченных граждан считали военное правительство “хорошей” или “очень хорошей” идеей. С тех пор этот показатель вырос до 16%. Для сравнения, в Латинской Америке в 1990-х, через десять лет после возвращения к власти гражданского правительства, воен-

ное правление по-прежнему поддерживал 21% хорошо обеспеченных респондентов. Сейчас этот показатель составляет 33%.

Данные, свидетельствующие о том, что богатые граждане давно устоявшихся либеральных демократий стали значительно чаще одобрять идею военного правления, настолько парадоксальны, что, естественно, вызывают недоверие. Однако они вполне согласуются с ответами на другие вопросы, призванные оценить степень открытости авторитарным альтернативам. В США во всех возрастных когортах доля граждан, считающих, что было бы лучше иметь “сильного лидера”, который может “не беспокоиться о парламенте и выборах”, также возросла с течением времени: в 1995 году этого мнения придерживалось 24% опрошенных; к 2011 году показатель вырос до 32%. Одновременно доля граждан, одобряющих идею о том, что “эксперты, а не правительство должны принимать решения в соответствии с их представлением о том, что лучше для страны”, возросла с 36% до 49%. Одна из причин этих изменений заключается в том, что двадцать лет назад состоятельные граждане чаще, чем группы с более низким уровнем дохода, проявляли приверженность демократическим институтам, в то время как сейчас богатые сравнительно чаще других выступают за идею о сильном лидере, который готов игнорировать демократические институты (см. График 4).

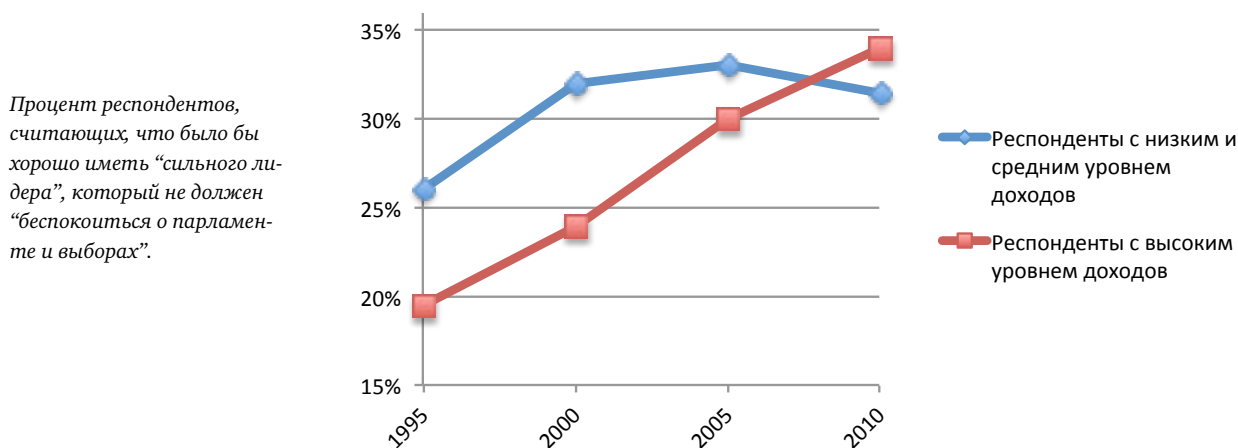

График 4. Поддержка авторитаризма в США в зависимости от уровня доходов¹⁰.

Примечательно, что готовность к недемократической альтернативе особенно сильно проявляют молодые граждане, которые в то же время являются хорошо обеспеченными. Возвращаясь к вопросу поддержки военного правления: в 1995 году только 6% молодых богатых американцев (рожденных в 1970 году и позже) считали, что было бы “хорошо”, если бы армия получила власть. Сегодня это мнение разделяют 35% богатых молодых американцев. И в этом тоже США не исключение среди зрелых демократий. В 1995 году в Европе 6% граждан с высоким доходом, рожденных начиная с 1970 года и позже, поддерживали возможность “военного правительства”; сегодня ее поддерживает 17% молодых обеспеченных европейцев. Это удивительные цифры: растущую поддержку нелиберальным политикам обеспечивают не только те, кто не имеет полноценной работы, пожилые и обездоленные. Их активные сторонники обнаруживаются и среди благополучных, молодых и обеспеченных.

Хотя поддержка военного правления среди молодых и богатых может показаться случайным отклонением, их приверженность недемократическим практикам и институтам не должна удивлять. В более широкой исторической перспективе мы видим, что, за исключением краткого периода в конце XX века, демократия всегда сопровождалась требованиями бедных о перераспределении ресурсов, а потому богатые относились к ней с вполне объяснимым скептицизмом. Вновь возникшее неприятие демократических институтов со стороны богатых граждан западных стран может оказаться всего лишь возвращением к исторической норме¹¹.

Происходит ли деконсолидация демократии?

Одним из ключевых наблюдений сравнительной политологии является удивительная стабильность богатых консолидированных демократий. В первые годы существования демократические режимы уязвимы и в богатых, и в бедных странах. В бедных — демократия остается под угрозой, даже когда режим

существует уже несколько лет и произошла успешная смена правительства в результате выборов. Однако похоже, что богатые и консолидированные демократии все-таки сохраняют устойчивость: как показали Адам Пшеворский и Фернандо Лимонь, распад не постиг ни одну консолидированную демократию с подушевым ВВП более \$6000 в мировых ценах 1985 года¹³.

Это ключевое положение легло в основу значительного массива литературы по демократизации и стабильности режимов; но одновременно оно перекрыло дорогу целой области исследования. Успокоенные мыслью, что консолидированные демократии не сталкиваются с кризисом режима, политологи не задавались вопросами, которые, казалось бы, являются фундаментальными для данной дисциплины: что могут сказать эмпирические индикаторы о стабильности богатых консолидированных демократий в наши дни по сравнению с прошлым? Дают ли эмпирические индикаторы основания полагать, что стабильные на первый взгляд демократии в действительности находятся в опасности? И что произойдет, если богатые демократические режимы в самом деле начнут давать сбой — как рано или поздно происходит со всеми политическими режимами в истории человечества?

Согласно известной формулировке Хуана Линца и Альфреда Степана, демократии консолидированы, если “больше не из чего выбирать”¹². Это выражение хоть и расплывчато, но вместе с тем хорошо передает суть. Что именно значит, что “не из чего выбирать”, кроме демократии? По нашему мнению, степень консолидации демократии определяется тремя параметрами: насколько демократия как система правления пользуется общественной поддержкой; насколько антисистемные партии и движения слабы (или их вовсе нет); и насколько укоренены демократические правила.

Такое эмпирическое понимание демократической консолидации позволяет задуматься о возможности “демократической деконсолидации”. В теории существует вероятность, что даже в демократиях Северной Америки и Западной Европы, казалось бы, консолидированных, в один прекрасный день могут

возникнуть “другие варианты”: граждане, некогда воспринимавшие демократию как единственно возможную форму правления, могут заинтересоваться авторитарными альтернативами. Стабильные партийные системы, которые раньше вбирали в себя все основные политические силы и способствовали укреплению демократии, могут вступить в фазу крайней нестабильности или пережить резкий взлет антисистемных партий. Наконец, те правила, которые все основные политические игроки раньше считали незыблемыми, могут оказаться попораны — если политики поймут, что это позволит им завоевать новых сторонников.

Сегодня не кажется немислимым предположение, что во многих устоявшихся демократиях Северной Америки и Западной Европы процесс демократической деконсолидации, возможно, уже идет. Граждане США стремительно теряют веру в политическую систему; в начале марта 2016 года, например, Конгресс пользовался поддержкой всего 13% граждан. Богатейший бизнесмен и медиаперсона Дональд Трамп завоевал горячую и поразительно широкую поддержку с помощью гневных нападок на политическую систему и заявлений, грубо нарушающих права религиозных и этнических меньшинств, — и получил право баллотироваться в президенты США от республиканцев. Одновременно даже мейнстримные политические деятели все чаще нарушают неписаные правила в надежде таким образом привлечь сторонников. Результатом становится коллапс и подрыв конституционных норм: примером может служить отказ Сената США рассмотреть выдвинутую Барак Обамой кандидатуру на освободившееся место в Верховном суде.

В Европе в последние годы также заметны многочисленные симптомы демократической деконсолидации. Рейтинги одобрения ведущих политиков континента опустились до рекордно низкого уровня, и граждане перестают доверять политическим институтам. Праворадикальные популистские партии, такие как “Национальный фронт” во Франции или “Шведские демократы”, вышли из тени, что привело к серьезным изменениям партийной системы практически по всей Западной

Европе. Тем временем в странах Центральной и Восточной Европы развиваются процессы, предвещающие серьезную институциональную и идеологическую трансформацию: так, в Польше и Венгрии популистские лидеры уже оказывают давление на СМИ, критикующие власть, нарушают права меньшинств и подрывают основы базовых институтов, в частности независимого суда.

Для того чтобы дать научно обоснованный ответ на вопрос о том, происходит ли деконсолидация демократий в этих странах, потребуется масштабное исследование, далеко выходящее за рамки одной статьи, построенной на данных опросов общественного мнения. Но прежде чем приступить к такому исследованию, необходимо поставить эмпирическую задачу и четко сформулировать, что именно мы хотим прояснить.

Если принять на веру количество людей, которые, по их собственным словам, разделяют демократические ценности, то можно утверждать, что такой массовой популярностью не пользовался ни один политический режим за всю историю человечества. Однако в настоящий момент реальное состояние демократии куда менее радужно. Граждане демократических стран все меньше удовлетворены работой демократических институтов, все чаще проявляют готовность отказаться от институтов и норм, которые традиционно считаются ключевыми элементами демократии, и проявляют все больше интереса к альтернативным режимам.

Эти факты свидетельствуют отнюдь не о том, что граждане стали сильнее критиковать конкретные правительства потому, что возросли их ожидания от демократии; они говорят о том, что сама современная политика переживает кризис. В тот самый момент, когда демократия стала единственной формой правления, чья легитимность практически никем не ставится под сомнение, она потеряла доверие многих граждан. Они больше не считают, что демократия способна удовлетворить их потребности и соответствовать их предпочтениям. Оптимистический взгляд, будто эта утрата доверия — лишь временное явление, свидетельствует о желании успокоить себя и не ставить под сомнение хваленую

стабильность процветающих демократий.

Демократии не умирают за один день; точно так же и демократии, в которых уже начался процесс деконсолидации, не обязательно рухнут. Но нам представляется, что степень демократической консолидации — это один из самых важных факторов, определяющих вероятность демократического коллапса. В мире, где большинство граждан горячо поддерживает демократию, антисистемные партии слабы или не существуют вовсе, а основные политические силы подчиняются правилам политической игры, демократический коллапс крайне маловероятен. Однако, похоже, мир, в котором мы живем сейчас, выглядит иначе.

Даже если последующие исследования покажут, что процесс демократической деконсолидации в самом деле имеет место, это не будет означать, что конкретным демократиям грозит распад. Это также не значит, что демократии, где деконсолидация выражена в наибольшей степени, падут первыми. Смена

режима — всегда и дело случая, и результат целенаправленных действий; следствие исторических обстоятельств, но и структурных предпосылок. Но если исследование докажет, что демократическая деконсолидация в самом деле происходит, это будет означать, что некогда немыслимое стало возможным. Раз демократии переживают деконсолидацию, перспектива упадка демократии становится все более вероятной — даже в странах, до сих пор счастливо избегавших нестабильности. Если политологи не хотят, чтобы в грядущие десятилетия крах сложившихся демократий застал их врасплох, подобно тому как это произошло с крахом коммунизма несколькими десятилетиями ранее, они должны установить, происходит ли на самом деле демократическая деконсолидация; объяснить возможные причины этого процесса; очертить вероятные последствия, как в настоящем, так и в будущем; и обдумать, как можно исправить сложившуюся ситуацию.

Примечания

- 1 FOA R. S., MOUNK Y. *The Danger of Deconsolidation* // Journal of Democracy. 2016. Vol. 27, №3. P. 5–17. © 2016 National Endowment for Democracy and Johns Hopkins University Press. Текст печатается с разрешения Johns Hopkins University Press.
- 2 Источник: WVS, 5 и 6 волны (2005–2014 годы) Данные по странам-членам ЕС. Статистически достоверные ответы: США, 3,398; Евросоюз, 25,789. Границы 95%-го доверительного интервала, построенного с помощью метода бутстрэпа, отмечены серым.
- 3 Эти разрывы сохраняются и в других значениях графика. Если взять ответы с оценкой 9 или 10, уровень снижается с 85% среди американцев, рожденных в 1930-е, до 43% среди тех, кто родился начиная с 1980-х, и с 68% среди рожденных в 1930-е годы европейцев до 59% среди европейцев, родившихся в 1980 году и позже. На другом конце графика — доля респондентов, не придающих большого значения жизни в демократии (оценки от 1 до 5), которая составляет всего 4% американцев, рожденных в 1930-е, но 21% миллениалов и 6% родившихся в 1930-е годы европейцев, но 11% миллениалов.
- 4 Источник: WVS, волны с 3 по 6 (1995–2014 годы) Данные по Европе включают постоянную выборку стран в обеих волнах: Германия, Швеция, Испания, Нидерланды, Румыния, Польша, Великобритания. Статистически достоверные
- ответы: США, 1995: 1,452; США, 2011: 2, 164; европейские страны, 1995-1997: 6,052; европейские страны, 2010-12: 8, 197.
- 5 Поддержка радикализма определяется по шкале политических взглядов (правые-левые), где 1 — это радикально левые, а 10 — радикально правые взгляды. Как в Европе, так и в Северной Америке политический радикализм в соответствии с субъективной оценкой респондента в самой молодой возрастной когорте (рожденных начиная с 1980 года) выше, чем во всех предыдущих поколениях во всех предыдущих исследованиях.
- 6 SCHEDLER A., SARFIELD R. *Democrats with Adjectives: Linking Direct and Indirect Measures of Democratic Support* // European Journal of Political Research, 2007. August. №46. P. 637–659. BRATTON M., MATTES R. *How People View Democracy: Africans' Surprising Universalism* // Journal of Democracy. 2001. January. P.107–121.
- 7 См. DAHL R.A., SHAPIRO I., SHEIBUB J.A. (Eds.) *The Democracy Sourcebook*. Cambridge: MIT Press, 2003; и MORENO A., WELZEL C. *Enlightening People: the Spark of Emancipative Values* / DALTON R., WELZEL C. (Eds.) *The Civic Culture Transformed: from Allegiant to Assertive Citizens*. New York: Cambridge University Press, 2013.
- 8 Мы сравнивали долю респондентов в США и Европе, сообщивших, что они “достаточно сильно” или “очень сильно”

- интересуются политикой, в двух возрастных когортах: от 16 до 35 лет и от 36 лет и старше. Европейские страны, принимавшие участие в обеих волнах (постоянная выборка): Германия, Нидерланды, Польша, Румыния, Испания и Швеция. Количество статистически достоверных ответов: США, 1990: 1,812; США, 2011: 2,210; Европа, 1990–93: 13,588; Европа, 2010–12: 8,771. Источник: WVS, волна 2 (1990-1994) и 6 (2010-2014).
- 9 WELZEL C. *Freedom Rising: Human Empowerment and the Quest for Emancipation*. New York: Cambridge University Press, 2013; NORRIS P. *Democratic Deficit: Critical Citizens Revisited*. New York: Cambridge University Press, 2011.
- 10 Источник: WVS, волны с 3 по 6 (1995–2014). Данные только по выборке из США. Респонденты с высоким доходом — это те, кто попадает в верхние три дециля (8–10) по десятибалльной шкале доходов. Респонденты со средним и низким уровнем дохода — семь нижних децилей (с 1 по 7). Объем выборки: респонденты с высоким уровнем дохода (1,172); респонденты со средним и низким уровнем дохода (4,659).
- 11 Новые аргументы к спору недавно добавили ВОIX С. *Democracy and Redistribution*. New York: Cambridge University Press, 2003; и АСЕМОГЛУ D., ROBINSON J.A. *Economic Origins of Dictatorship and Democracy*. New York: Cambridge University Press, 2006.
- 12 Przeworski A. ET AL. *Democracy and Development: Political Institutions and Material Well-being in the World, 1950–1990*. New York: Cambridge University Press, 2000.
- 13 LINZ J.J., СТЕПАН А. *Problems of democratic transition and consolidation*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996.